

RU

## Идеологическая функция англицизмов в политическом дискурсе России и Германии

Винник Р. А.

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию англицизмов как канала переноса идеологически окрашенной лексики в политическом дискурсе России и Германии. Цель работы – выявить механизмы проникновения, адаптации и трансформации англоязычных терминов в национальных медиа и политической риторике с середины XX века до цифровой эпохи. Рассмотрены прагматические стратегии заимствования (прямое, калькирование, семантическое переосмысление) и их роль в изменении коннотаций. Научная новизна исследования заключается в выявлении различий в идеологической функции англицизмов в русском и немецком политическом дискурсе, а также в раскрытии их влияния на формирование наднациональной риторической модели. В результате исследования установлено, что англицизмы в обоих языках выполняют не только номинативную, но и идеологическую функцию, влияя на унификацию политической риторики и формирование полиязыкового политического пространства.

EN

## The ideological function of Anglicisms in the political discourse of Russia and Germany

R. A. Vinnik

**Abstract.** This article explores Anglicisms as a channel for the transfer of ideologically charged vocabulary in the political discourse of Russia and Germany. The aim of the study is to identify the mechanisms of introduction, adaptation, and transformation of English-language terms in national media and political rhetoric from the mid-20th century to the digital age. The work examines pragmatic borrowing strategies (direct borrowing, calquing, semantic reinterpretation) and their role in changing connotations. The scientific novelty of the research lies in identifying differences in the ideological function of Anglicisms in Russian and German political discourse, as well as in revealing their influence on the formation of a supranational rhetorical model. The study concludes that Anglicisms in both languages perform not only a naming function but also an ideological one, influencing the unification of political rhetoric and the formation of a multilingual political space.

### Введение

В современном глобализованном мире английский язык выступает не только в роли международного средства общения, но и как мощный канал распространения политических, культурных и идеологических установок. В рамках статьи англицизмы рассматриваются как лексические заимствования из английского языка, несущие не только лексическое значение, но и культурно-идеологический компонент, отражающий особенности англоязычного дискурса. В условиях глобализации и цифровой медиасреды они формируют новые способы политической коммуникации, влияя на структуру и содержание национальных политических языков.

Особое значение в этом процессе приобретает политическая лексика, поскольку она является одним из наиболее емких носителей ценностных ориентиров и идеологических установок. Политические англицизмы способны не просто стать средством номинации новых явлений, но и транслировать специфические мировоззренческие рамки, сформированные в англоязычном дискурсе. Таким образом, каждое заимствование в политической сфере потенциально несет в себе скрытые установки и коннотации, влияющие на восприятие и интерпретацию политических событий в национальных контекстах. Поэтому становится актуальным сопоставительное исследование русского и немецкого дискурсов, которое позволит выявить культурно-специфические механизмы адаптации и трансформации заимствований.

Реализация поставленной цели предполагает поэтапное решение ряда взаимосвязанных исследовательских задач, включающих в себя:

- 1) выявить и охарактеризовать ключевые исторические этапы проникновения англицизмов в политический язык России и Германии;
- 2) разработать классификацию прагматических стратегий адаптации англоязычных заимствований в национальных дискурсах;
- 3) провести комплексный анализ изменений исходных коннотаций англицизмов в процессе их культурной интеграции;
- 4) оценить влияние заимствованных политических терминов на структурные и содержательные особенности национального политического дискурса;
- 5) сопоставить механизмы адаптации и трансформации англицизмов в русском и немецком политических контекстах, выявив общие и специфические черты.

В работе применялся комплекс методов, соответствующих целям и задачам исследования: сравнительно-исторический метод использовался для реконструкции этапов проникновения англицизмов в политический язык и сопоставления их эволюции в русском и немецком дискурсе с середины XX века до наших дней; лингвокультурологический анализ позволил определить культурно-специфические особенности адаптации англицизмов, выявить различия в их коннотативных и оценочных характеристиках в двух языках; критический дискурс-анализ использовался для выявления и интерпретации идеологических импликаций англоязычных заимствований, а также для анализа стратегий их использования в политической риторике и медийных нарративах. Кроме того, при отборе иллюстративного материала из корпуса текстов для обеспечения репрезентативности исследования применялся метод сплошной выборки.

Материалом исследования послужили тексты российских и немецких СМИ, официальных политических документов, выступлений политиков, публикаций в социальных сетях. Особое внимание уделено примерам из крупных медиаплатформ, парламентских дебатов и политических отчетов.

Теоретическую базу исследования составляют труды в области социолингвистики, теории языковых контактов и политической лингвистики, включая классические исследования (Крысин, 1968; 1993; Busse, 1993; Onysko, 2007) и современные работы по англицизмам в политическом дискурсе (Каменева, Рабкина, 2021; Ручкина, Белова, Карпенко, 2024; Neshkovska, 2024; Truan, 2025).

За последние годы англицизмы в политическом дискурсе все чаще рассматриваются как фактор, формирующий не только язык, но и идеологическую структуру коммуникации. Так, В. А. Каменева и Н. В. Рабкина (2021) исследуют использование англоязычной лексики в речи российского политика Д. А. Медведева, выделяя ее функции как инструмент языковой экономии, имиджобразования и номинации глобальных понятий. В исследовании Е. М. Ручкиной, Е. Е. Беловой, А. А. Карпенко (2024) анализируется динамика изменения функций англоязычных заимствований в отечественном политическом дискурсе, подчеркивается их растущая востребованность и идеологическая нагрузка.

Международная перспектива рассмотрена в работе Н. Труан (Truan, 2025), где сравниваются идеологические установки мультиязычных носителей немецкого и французского языков по отношению к англицизмам, выявляются различия в восприятии и степени интеграции заимствований. Существенный вклад в анализ процессов глобализации языковой среды вносят Л. Доду-Гугеа, Н. Рошковэн и Л. Ставер (Dodu-Gugea, Roşcovan, Staver, 2023), рассматривающие англицизацию как переход от индивидуальных форм речи к институционализированным практикам, включая сферу высшего образования.

Актуальность проблемы восприятия англицизмов в политическом дискурсе подтверждается также исследованием, проведенным в македонском лингвокультурном контексте. Как отмечает С. Нешковска (Neshkovska, 2024), англоязычные заимствования прочно закрепились в македонском языке, особенно в сфере политической коммуникации, где политики активно используют англицизмы в речах, дебатах и публичных заявлениях, стремясь повысить убедительность своих посланий. Тем не менее, автор подчеркивает, что подобная стратегия вызывает неоднозначную реакцию у общественности.

Наряду с современными исследованиями, значимыми для данной темы остаются и классические труды, формировавшие методологическую основу изучения заимствований. Среди них работы Л. П. Крысина (1968; 1993) по описанию закономерностей освоения англицизмов в русском языке, исследование У. Буссе (Busse, 1993) об интеграции англицизмов в немецкую лексику и их социально-прагматических функциях, а также фундаментальная монография А. Онышко (Onysko, 2007), в которой анализируются фонетические, морфологические и семантические аспекты адаптации заимствований в немецком языке. Эти работы демонстрируют преемственность подходов и важность комплексного анализа как лингвистической, так и социокультурной стороны заимствования.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в преподавании курсов по социолингвистике, политической лингвистике, межкультурной коммуникации, а также при подготовке медиатекстов и разработке стратегий политической риторики.

## Обсуждение и результаты

Анализ современных процессов заимствования невозможен без обращения к исторической ретроспективе. Путь англицизмов в политический дискурс России и Германии отражает не только лингвистическую динамику, но и глубокие изменения в международных отношениях, культурной политике и медиапространстве. Рассмотрим, как разные исторические этапы – от идеологического противостояния времен холодной войны

до постсоветской трансформации и цифровой эпохи – обуславливали темпы и особенности проникновения англоязычных терминов, а также влияли на сохранение либо изменение их первоначальных коннотаций.

### Холодная война (1947-1991)

Период Холодной войны стал первым этапом массового целенаправленного проникновения англоязычных политических терминов в русский и немецкий языки, что было напрямую связано с идеологическим и геополитическим противостоянием между Востоком и Западом.

В этот период в публичную и медийную сферу активно входили такие понятия, как *containment* (политика «сдерживания»), *detente* (разрядка международной напряженности) и *Iron Curtain* («железный занавес»), *arms race* («гонка вооружений»), *mutual assured destruction* («гарантированное взаимное уничтожение»), *peaceful coexistence* («мирное сосуществование»), *first strike* («превентивный удар») и *space race* («космическая гонка»), *propaganda war* («пропагандистская война», использовалось в описании борьбы за влияние в международных СМИ и культурных проектах), *bloc politics* («политика блоков» как отсылка к геополитическому разделению на НАТО и Варшавский договор), *spy swap* («обмен шпионами», термин, регулярно встречавшийся в новостях о громких разведывательных скандалах), *summit diplomacy* («дипломатия саммитов» в качестве характеристики встреч лидеров сверхдержав как инструмента разрядки напряженности), *arms control* («контроль над вооружениями», ключевой термин в переговорах о ядерном разоружении (СНВ, ДРСМД и др.)).

Эти заимствования фиксировались не только в дипломатической риторике, но и в массовых медиа, художественной литературе и кино, формируя образы и концепты, через которые воспринималась глобальная политика второй половины XX века.

Идеологическая маркированность этих понятий была особенно сильна. Так, термин «железный занавес», заимствованный из театральной лексики, впервые публично использовал Уинстон Черчилль 5 марта 1946 года в речи в Фултоне как метафору четкого разделения европейского континента на политические сферы. Железный занавес стал линией фронта между двумя военными блоками – НАТО и Организацией Варшавского Договора. В советском медийном пространстве термин получал негативную оценочную окраску и использовался как средство политической пропаганды: «железный занавес» стал символом «изоляционистской» политики Запада, а «сдерживание», в свою очередь, – олицетворением агрессивной внешней политики США.

В то же время в Западной Германии *Eiserner Vorhang* закрепился как метафора советской политики закрытости. В частности, Маркус Мейнке (Meinke, 2025) в статье, посвященной *Eiserner Vorhang*, считает, что в немецком языке под данным термином понималось как буквальное, так и идеологическое разделение Европы между Востоком и Западом. Занавес обозначал границу, простирающуюся «от Баренцева моря до Черного моря», а также символизировал контраст между блоками и границами влияния.

Термин *detente* воспринимался в контексте прагматической дипломатии, направленной на разрядку напряженности. В немецкоязычных текстах *Entspannungspolitik* (политика разрядки, от англ. *detente*) оценивается как прагматичный подход к деэскалации международного напряжения между Востоком и Западом. Из Вашингтона политика разрядки воспринималась как способ поддержания стабильности и совместного определения глобальных интересов, несмотря на ощущение упадка роли США как гегемона: *Entspannungspolitik hatte ... die Funktion, ... Stabilität zu wahren und an einer globalen, mit der Sowjetunion abgestimmten Interessendefinition festhalten zu können* (Niedhart, 2007). / Политика разрядки имела ... функцию ... сохранять стабильность и придерживаться глобального определения интересов, согласованного с Советским Союзом (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – P. B.).

Таким образом, уже на этапе Холодной войны англицизмы и их кальки выполняли не только номинативную, но и ярко выраженную идеологическую функцию, формируя ассоциативные ряды и политические образы, которые по-разному закреплялись в русском и немецком дискурсе.

### Постсоветский и постобъединенный период (1990-е – начало 2000-х)

Распад СССР и объединение Германии в 1990 году открыли новый этап в истории проникновения англицизмов в политический язык обеих стран. Этот период характеризуется масштабным прямым заимствованием политической лексики из англоязычных источников. В русский и немецкий языки без перевода или с минимальной адаптацией вошли такие ключевые термины, как *human rights* («права человека»), *transparency* («прозрачность» в значении открытости власти) и *lobbying* («лоббизм»), *think tank* («аналитический центр»), *civil society* («гражданское общество»), *governance* («управление» в контексте политических процессов), *public relations* («связи с общественностью») и *media freedom* («свобода СМИ»), *rule of law* («верховенство права», прямое заимствование в политико-правовом дискурсе, часто в программах реформ), *free market* («свободный рынок», центральный концепт экономической либерализации), *globalization* («глобализация», маркер интеграции национальных экономик и культур в мировую систему), *sustainable development* («устойчивое развитие», широко вошло в политический, экологический и корпоративный дискурс), *conflict of interest* («конфликт интересов», термин в правовых и антикоррупционных текстах, сохраненный в английском варианте или переведенный дословно).

Эти понятия не только расширили лексический состав, но и стали маркерами политической модернизации, сигнализируя о включении национальных дискурсов в глобальную повестку, сформированную в англоязычных странах.

Особое место в этом процессе занимают правозащитные концепты. Термин *human rights*, прочно закрепленный в англоязычном международном праве, в постсоветском и объединенном германском контексте приобрел особую значимость. В России он стал центральным элементом политического и медийного лексикона

правозащитных организаций и оппозиционной прессы, а в Германии – частью официального государственного дискурса, встроенного во внешнеполитическую риторику. Тем не менее, в обоих случаях слово сохраняло отсылку к ценностям и правовым стандартам, закрепленным в англосаксонской политико-правовой традиции. Так, в середине 1990-х годов в России появились правозащитные организации, прямо использующие англоязычные термины в названии, например, Human Rights Center «Мемориал», а в Германии ключевые политические партии включили в свои программы пункты о *Transparenz* и регулировании *Lobbyismus*, что нашло отражение в законодательских инициативах, таких как создание Lobbyregister в Бундестаге. Таким образом, заимствования стали не просто словами, а инструментами институционализации новых для постсоветского пространства и объединенной Германии политических практик.

В то же время термин *transparency* демонстрирует сложный путь адаптации. В русском языке «прозрачность» в значении открытости власти и финансовых процессов закрепились в экспертной среде, но получила ограниченное распространение в бытовом употреблении. Например, термин активно использовался в докладах некоммерческой организации, такой как «Трансперенси Интернешнл – Россия», при подготовке ежегодного *Индекса восприятия коррупции* (Индекс восприятия коррупции-2024, 2025), однако в массовой прессе чаще встречался в нейтральном значении «ясность» или «открытость» без политической коннотации. В Германии же *Transparenz* быстро стала частью не только политического, но и коммерческого дискурса: компании, такие как Deutsche Bahn и Siemens (Siemens schafft mehr Transparenz... 2009), начали включать этот термин в маркетинговые и годовые отчеты, подчеркивая открытость своей деятельности для клиентов и инвесторов. Благодаря широкому освещению в медиа и регулярному использованию в публичных выступлениях политиков – например, в рамках дебатов о законе о *Lobbyregister* в Бундестаге – слово прочно вошло в повседневный лексикон и стало восприниматься как ключевой элемент демократической культуры (Handbuch zum Lobbyregistergesetz, 2022). Таким образом, один и тот же англицизм мог демонстрировать разные траектории интеграции в зависимости от социально-политического контекста.

Особенно примечателен путь слова *lobbying*. В России «лоббизм» с самого начала имел устойчиво негативную коннотацию, связываясь в массовом сознании с коррупцией и закулисными схемами. Например, в ряде публикаций «Коммерсанта» конца 1990-х годов обсуждались «лоббистские войны» между крупными нефтяными компаниями за влияние на Госдуму, что подавалось как признак непрозрачности и корпоративного давления на законодательный процесс (Нефтяное лобби обмануло премьера, 1999). В Германии же *Lobbyismus*, хотя и подвергался критике в СМИ, имел более нейтральное значение и воспринимался как легитимная часть демократического политического процесса: так, в репортаже *Die Zeit* подчеркивалось, что взаимодействие с лоббистами является «неотъемлемой частью парламентаризма», если оно регулируется законом (*Lobbyismus ist ein unverzichtbarer...*). В то же время общественные организации, такие как *Lobby Control*, проводили кампании за ужесточение требований к регистрации лоббистов и раскрытию их деятельности, что в итоге привело к принятию в 2022 году федерального закона о *Lobbyregister*, обязывающего фиксировать все контакты с депутатами и министерствами (*Das Lobbyregister kommt!*, 2021). При этом в обеих странах этот термин сохранял идеологический оттенок, указывая на связи с западной моделью политики, где взаимодействие между бизнесом и властью рассматривается как институционально оформленный элемент демократической системы.

### Цифровая эпоха (с 2010-х годов)

С началом 2010-х годов и особенно с ростом влияния социальных медиа политическая лексика в русском и немецком языках пополнилась целой волной англицизмов, напрямую связанных с феноменами культурных войн и сетевых движений. Такие термины, как *fake news* («фейковые новости»), *cancel culture* («культура отмены») и *woke* («пробужденный» в значении социально осведомленный и активный в борьбе с дискриминацией), *hashtag activism* («хэштег-активизм»), *safe space* («безопасное пространство»), *trigger warning* («триггер-предупреждение»), *echo chamber* («эхо-камера»), *deepfake* («дипфейк»), *fact-checking* («фактчекинг»), *meme war* («война мемов»), *digital divide* («цифровое неравенство»), *hate speech* («язык вражды»), *trolling* («троллинг») и *woke-washing* («воук-вошинг», то есть использование риторики социальной справедливости в маркетинговых целях). Эти заимствования не только обозначают новые реалии цифровой коммуникации, но и служат индикаторами глобального идеологического обмена, при котором англоязычные концепты быстро получают локальные интерпретации и политическую окраску.

Семантическая нагрузка этих заимствований сохраняла отсылку к англоязычному культурно-политическому контексту, при этом в процессе интеграции они приобретали дополнительные коннотации – зачастую полемические или ироничные. Так, термин *fake news* был активно использован в предвыборной кампании Дональда Трампа 2016 года для дискредитации традиционных медиа, а затем быстро распространился в российских и немецких СМИ как обозначение манипулятивных новостных материалов (*How Trump's 'fake news' gave...*, 2018).

Ускорение трансфера таких лексем было связано с экстремальной медиатизацией политического общения: появление платформ Twitter/X, Facebook\*, YouTube и TikTok, а также активное использование англоязычных новостных агрегаторов и мемных площадок (Reddit, 9GAG) обеспечили почти мгновенное распространение новых слов и концептов. Например, в русском сегменте Twitter хэштег #фейкньюс стал маркером как политической сатиры, так и обвинений в дезинформации в ходе пандемии COVID-19, что отмечалось в мониторинге «Медузы»: *RT обвинил «Медузу» в публикации фейковой новости об эпидемии COVID-19 в России* (2020).

В немецком же сегменте #FakeNews активно использовался в дебатах о миграционной политике, особенно в контексте «кризиса 2015 года», где ряд политиков обвинял СМИ в предвзятом освещении событий: *Auf einer interaktiven Karte werden Gerüchte und Fake News über Flüchtlinge und Migranten mit externen, verlässlichen*

*Quellen verlinkt, um die Falschnachricht so möglichst öffentlichkeitswirksam zu widerlegen (Fake News: "Alles hinterfragen!"..., 2017). / На интерактивной карте слухи и фейковые новости о беженцах и мигрантах связываются с внешними, надёжными источниками, чтобы максимально публично опровергнуть ложные сообщения.*

Особенно показательна судьба термина *cancel culture*. В русском медиапространстве он быстро приобрел ярко выраженный негативный оттенок и стал инструментом критики политкорректности и цензуры. Примером может служить реакция российских государственных каналов на скандалы вокруг западных артистов, лишенных контрактов за высказывания, где «культура отмены» воспринимается как признак деградации западных демократий: *И вдруг на весь мир раздался вопль отчаяния, обвиняющий «культуру отмены» в том, что в западном обществе «все шире распространяется цензура: нетерпимость к противоположным взглядам, мода на публичный позор и осуждение, а также тенденция растворять сложные политические вопросы в слепой моральной уверенности» («Культура отмены»..., 2021).*

В Германии же *Cancel Culture* чаще встречался в контексте академических и культурных дебатов, например, в полемике вокруг лекций в университетах, отмененных под давлением студенческих организаций. Портал *Deutschlandfunk* отмечал, что дискуссии вокруг этого явления затрагивают баланс между свободой слова и ответственностью за высказывания: *...Unliebsame Standpunkte würden ignoriert, ausgegrenzt oder mundtot gemacht. Wäre eine grenzenlose wissenschaftliche Offenheit also besser? ... (Wissenschaftsfreiheit versus..., 2022).* / *Нежелательные точки зрения игнорируются, маргинализируются или принудительно замалчиваются. Так не лучше ли была бы безграничная научная открытость?*

Термин *woke* и его производные закрепились в политической полемике обеих стран, но с разным прагматическим профилем. В России он чаще служит ироничным или уничижительным ярлыком в адрес «либеральных» ценностей, что ярко проявилось в публикациях «Комсомольской правды» и «Взгляда» по поводу западных гендерных и расовых дискуссий: Разница только в том, что у нас в стране у артистического мейнстрима в основе – ненависть к России, а на Западе – woke-активизм во всем его либеральном тоталитаризме («Звезды» уже никому..., 2022); Идеология woke отличается от предшествующих концепций принудительным и даже карательным характером. Она изначально радикальна, она направлена на то, чтобы подавить оппонентов, заставить их замолчать или публично покаяться за «неправильные взгляды» (Российский либерализм повторяет..., 2021).

В Германии же *woke* может использоваться как самоидентификация сторонников антидискриминационных инициатив, в том числе в медиа и активистских сообществах. В эссе Сьюзен Нейман *"Es ist nicht links, «woke» zu sein – Ein Gastbeitrag von Susan Neiman"* («Быть "woke" – не значит быть левым. Эссе Сьюзен Нейман») из *Der Spiegel* говорится: *'Woke' Menschen sehen sich als Kämpfer gegen Unterdrückung und Ungerechtigkeit (Es ist nicht links, "woke" zu sein, 2023).* / Люди, считающие себя "woke", видят себя борцами с угнетением и несправедливостью.

Следующим значимым понятием, закрепившимся в цифровом политическом лексиконе, стал *hashtag activism* – форма сетевого активизма, при которой политическая или социальная повестка продвигается через массовое использование хэштегов в социальных медиа. В русском дискурсе термин нередко окрашен скепсисом, ассоциируясь с поверхностной вовлеченностью (*slacktivism*), тогда как в немецком чаще воспринимается как часть цифровой мобилизации и онлайн-кампаний (*#MeToo, #FridaysForFuture*).

Еще один термин, связанный с «цифровой чувствительностью», это понятие *trigger warning* – предупреждение о потенциально травмирующем или вызывающем сильные эмоции контенте. В России этот англицизм часто используется в ироничном или критическом ключе, как символ «чрезмерной политкорректности», в немецком же он сохраняет в основном функциональный, защитный смысл, особенно в образовательных и медийных контекстах.

С феноменами восприятия и интерпретации информации непосредственно коррелируют следующие термины, которые в последние годы получили значительное распространение в научном, медийном и общественно-политическом дискурсе:

*Echo chamber* – метафора информационного пузыря, в котором человек слышит только совпадающие с его взглядами мнения. В русском дискурсе термин активно используется в критике социальных сетей как инструментов радикализации, а в немецком – как нейтральный концепт из медиасоциологии и исследований цифровой демократии.

*Deep fake* – технология синтетического медиаконтента, позволяющая создавать реалистичные, но ложные изображения и видео. В обеих странах термин имеет негативную окраску, ассоциируясь с угрозами дезинформации, но в России акцент чаще делается на политических манипуляциях, а в Германии – на угрозах частной жизни и кибербезопасности.

*Fact-checking* – процесс проверки достоверности информации, особенно в контексте политических заявлений и новостей. В русском медийном пространстве термин активно используется независимыми изданиями и блогерами как маркер профессиональных стандартов журналистики, а в немецком – институционализирован через специализированные подразделения крупных медиа.

Таким образом, цифровая эпоха не только ускорила импорт англицизмов, но и сделала процесс их адаптации гораздо более непредсказуемым, поскольку лексические заимствования стали неразрывно связаны с динамикой глобальных онлайн-дискуссий.

Проведенный исторический анализ проникновения англицизмов в политический язык демонстрирует общие тенденции и временные рамки этого процесса. Следующим шагом является рассмотрение прагматических стратегий, посредством которых заимствованные термины закрепляются в лексической системе русского и немецкого языков, претерпевая изменения в форме, семантике и коннотациях.

### Прагматические и идеологические аспекты адаптации англицизмов

В процессе интеграции в русский и немецкий политический дискурс англицизмы проходят разные пути адаптации, отражающие не только лингвистические механизмы, но и особенности культурного восприятия и идеологической среды. Наиболее часто встречающиеся стратегии включают прямое заимствование, калькирование и семантическое переосмысление.

Прямое заимствование – сохранение оригинальной формы и значения термина с минимальной транскрипционной адаптацией. К этой группе относятся *fake news* («фейк-ньюс»), *mainstream* («мейнстрим»), *containment*, *detente*, *lobbying*, *thinktank*, *public relations*, *free market*, *governance*, *woke*, *deepfake*, *fact-checking*, *hashtag activism*, *meme war*. Такие слова чаще встречаются в публицистике, блогах и соцсетях, реже – в официальной документации. Например, в российских медиа *фейк-ньюс* используется для дискредитации оппонентов, в то время как в немецком *Fake News* преимущественно служит для обозначения дезинформации в соцсетях. *Mainstream* в обеих странах описывает доминирующее мнение, но в России часто окрашен иронично.

Калькирование – дословный перевод элементов англоязычного термина при сохранении структуры. Исторические примеры: «железный занавес» (*Iron Curtain*), «гонка вооружений» (*arms race*), «мирное сосуществование» (*peaceful coexistence*), «превентивный удар» (*first strike*), «космическая гонка» (*space race*). Более поздние: «права человека» (*human rights*), «устойчивое развитие» (*sustainable development*), «конфликт интересов» (*conflict of interest*), «верховенство права» (*rule of law*), «безопасное пространство» (*safe space*), «триггер-предупреждение» (*trigger warning*), «эхо-камера» (*echo chamber*), «язык вражды» (*hate speech*). Калька нередко смещает коннотации: в русском «культура отмены» (*cancel culture*) приобрела негативное значение, тогда как в немецком *Cancel Culture* иногда трактуется как инструмент социальной ответственности.

Семантическое переосмысление – изменение значения или оценочной окраски заимствования. В английском *liberal* ассоциируется с прогрессивными ценностями и свободой личности (Oxford English Dictionary), тогда как в русском «либерал» часто имеет политически негативный оттенок, связанный с прозападными реформами 1990-х (О «крахе» либеральных реформ..., 1999). В немецком *liberal* сохраняет исходный смысл, что отражено, например, в идеологии Свободной демократической партии (*Freie Demokratische Partei*). К этой категории также относятся: *propaganda war* (в советских и западногерманских медиа – преимущественно характеристика действий противника), *bloc politics* (в СССР – негативное описание политической системы Запада), *civil society* (в России – политизировано, в Германии – нейтрально), *globalization* (в русском дискурсе – нередко критически, в немецком – в основном нейтрально), *woke* (в России – иронично/негативно, в Германии – позитивно в активистской среде), *hashtag activism* (в России – как «поверхностный активизм», в Германии – как эффективный инструмент мобилизации), *trigger warning* (в России – с оттенком иронии, в Германии – как защитная мера).

Таким образом, выбор стратегии адаптации определяется прагматическими задачами коммуникатора и политическим контекстом. Прямое заимствование создает эффект глобальной вовлеченности, калькирование повышает понятность, а семантическое переосмысление позволяет интегрировать термин в локальную систему ценностей, при необходимости меняя его исходный смысл. Вместе с формой и значением в национальные дискурсы попадает и англоязычный идеологический контекст: он может быть перенесен напрямую (как в случае *cancel culture*) или переинтерпретирован (как в случае *woke*). Темп этих изменений во многом зависит от медиа: социальные сети ускоряют распространение оригинальных значений, а национальные СМИ могут закреплять удобные им интерпретации.

Процесс заимствования англицизмов в политический язык не ограничивается лишь копированием формы и значения. Вместе с самим словом в национальные дискурсы проникает и идеологический контекст, сформированный в англоязычных медиа. В ряде случаев происходит прямой «перевод» контекста – перенос готовых смысловых рамок, без значительных изменений. Показателен пример *cancel culture*: в русском медиапространстве этот термин воспринят практически в том же значении, что и в США и Великобритании, – как феномен массового порицания и бойкота публичных фигур, как в случае с хэштег-кампаниями против комика Луи Си Кея или писательницы Дж. К. Роулинг. При этом в российских СМИ этот термин одновременно служит маркером «политкорректности» (в оценках либеральной аудитории, например, в «Новой газете») и «цензуры» (в трактовке консервативных изданий, таких как «Известия»). Аналогично в немецком языке *fake news* часто воспроизводит англоязычное значение, применяясь в дискуссиях о дезинформации на платформах Facebook\* и X/Twitter, особенно во время пандемии COVID-19.

В других случаях происходит культурная переинтерпретация заимствованных терминов, когда национальные политические акторы сознательно переопределяют их в соответствии с внутренними идеологическими целями. Так, в немецком дискурсе *Cancel Culture* чаще используется в контексте этических и культурных дебатов – например, при обсуждении свободы академической лекции в университетах или споров вокруг демонстрации памятников колониального периода. В России же этот термин часто применяется в ток-шоу и политических колонках как аргумент о «двойных стандартах» Запада, либо как иллюстрация негативных последствий либеральной идеологии. Сходная динамика наблюдается и у *civil society*: в Германии термин сохраняет нейтрально-научное значение, а в России нередко окрашен как обозначение оппозиционной активности.

Важным аспектом является сдвиг коннотаций при адаптации, когда исходная оценочная окраска частично или полностью изменяется. Примером служит термин *woke*: в англоязычных странах он изначально имел положительное значение – «осведомленный о социальных несправедливостях» (Oxford English Dictionary)

и активно использовался в рамках движения Black Lives Matter («Жизни черных имеют значение»). В России же он чаще употребляется иронично или уничижительно, обозначая «навязанную западную идеологию» – как символ «навязанной западной идеологии», например, в материалах телеканала RT о «воук-цензуре» в Голливуде. В Германии слово сохранило часть исходной позитивной коннотации и может использоваться как элемент самоидентификации в активистских сообществах.

Похожие трансформации можно наблюдать и у термина *hashtag activism*. В США он стал символом массовой цифровой мобилизации через кампании #MeToo и #FridaysForFuture. В немецком дискурсе он сохраняет этот позитивный оттенок и ассоциируется с эффективной онлайн-мобилизацией, тогда как в России нередко упоминается с оттенком скепсиса – как пример «диванного» или поверхностного активизма.

Вектор этих трансформаций во многом определяется ролью медиаплатформ, которые могут ускорять или замедлять такие сдвиги. Социальные сети и англоязычные новостные агрегаторы, такие как Twitter/X, Facebook\* или GoogleNews, способствуют почти мгновенному переносу терминов с минимальной локализацией. При этом национальные медиа могут замедлять процесс изменения коннотаций, закрепляя в публикациях выгодное для них толкование. В результате один и тот же англицизм способен функционировать в разных странах как почти идентичный оригиналу или как полностью переосмысленный элемент локального политического словаря.

Массовое проникновение англицизмов в политическую лексику русского и немецкого языков ведет к постепенной унификации политической риторики на глобальном уровне. Ключевые термины – от *fake news* до *cancel culture* – становятся узнаваемыми и функционально сходными в разных национальных контекстах, что облегчает транснациональные дискуссии, но одновременно выравнивает стилевое и понятийное разнообразие. Такая унификация позволяет политическим акторам напрямую включаться в глобальные повестки, но при этом способствует вытеснению локальных понятийных систем, опиравшихся на собственные культурно-исторические референции.

Параллельно возрастает количество понятий, требующих культурной грамотности для понимания. Заимствованные термины несут в себе культурный и исторический «шлейф» англоязычного дискурса, который не всегда очевиден для носителей других языков. Например, для полного понимания *woke* требуется знание контекста борьбы за гражданские права в США, а *lobbying* в западном понимании подразумевает институционализированные формы взаимодействия бизнеса и власти, в то время как в России слово «лоббизм» ассоциируется преимущественно с коррупцией.

Это создает значительный потенциал для манипуляции: политические акторы и медиа могут намеренно использовать англицизмы, оставляя их исходную идеологическую окраску нераскрытой, либо трансформируя ее для достижения своих целей. Так, *cancel culture* в одних случаях преподносится как механизм социальной справедливости, а в других – как инструмент цензуры, в зависимости от риторической задачи. Неочевидный «багаж» таких слов позволяет варьировать интерпретации без явного изменения термина, что усиливает манипулятивный потенциал в публичных дебатах.

В долгосрочной перспективе формируется полиязыковое политическое пространство, в котором английский выполняет роль своеобразного метаязыка глобальной политики. Политические тексты и медиадискурс становятся гибридными, соединяя элементы национальных языков с англоязычными концептами, которые служат маркерами принадлежности к международной повестке. Это повышает интеграцию в мировые дискуссии, но одновременно создает барьеры для аудитории, не владеющей английским или не знакомой с культурными предпосылками заимствованных терминов.

## Заключение

Проведенное исследование показало, что англицизмы в политическом дискурсе России и Германии представляют собой не только средство номинации новых явлений, но и канал переноса ценностно-идеологического содержания, сформированного в англоязычной среде. Цель работы была реализована посредством историко-сопоставительного анализа, включающего реконструкцию этапов их проникновения, классификацию прагматических стратегий адаптации и оценку трансформации исходных коннотаций.

Результаты исследования показали, что динамика и формы интеграции англицизмов зависят от социокультурных условий: в немецком политическом языке заимствования чаще сохраняют исходные значения и служат элементами этических и институциональных дискуссий, тогда как в русском – нередко подвергаются переосмыслению и приобретают дополнительные оценочные оттенки, используемые в политической инструментализации. Анализ выявил, что выбор стратегии адаптации (прямое заимствование, калькирование, семантическое переосмысление) определяет не только степень сохранения исходного смысла, но и потенциал термина как инструмента идеологического воздействия.

Выявленные закономерности позволяют утверждать, что в условиях глобализированной медиасреды англицизмы способствуют унификации политической риторики и формированию полиязыкового пространства, где английский выполняет функцию метаязыка международной коммуникации. Одновременно этот процесс сопровождается культурно-специфическими трансформациями, создающими как возможности для межкультурного взаимопонимания, так и риски для искажения смыслов и усиления манипулятивных стратегий.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом влияния цифровых коммуникаций на скорость и характер адаптации англицизмов, а также с изучением того, как новые медийные форматы (социальные сети, стриминговые платформы, визуальные мемы) изменяют их коннотативный профиль и идеологическую нагрузку.

Таким образом, изучение англицизмов как каналов идеологического воздействия в условиях глобальной медиасреды позволяет не только глубже понять механизмы языковых изменений, но и выявить скрытые пути трансформации политического дискурса в эпоху информационной взаимосвязанности.

*Примечание:* (\*) – организация признана в России экстремистской и запрещена.

### Материалы исследования | Research materials

1. «Звезды» уже никому не нужны // Взгляд. 2022. [https://vz.ru/opinions/2022/8/2/1170348.html?utm\\_source=chatgpt.com](https://vz.ru/opinions/2022/8/2/1170348.html?utm_source=chatgpt.com)
2. Индекс восприятия коррупции-2024: у России 22 балла – худший результат в истории. 2025. <https://ti-russia.org/blog/indeks-vospriyatiya-korrupczii-2024-u-rossii-22-balla-hudshij-rezultat-v-istorii/>
3. «Культура отмены»: самоуничтожение либерализма // РИА Новости. 2021. <https://ria.ru/20200720/1574561961.html>
4. Нефтяное лобби обмануло премьера // Коммерсантъ. 1999. <https://www.kommersant.ru/doc/215416>
5. О «крахе» либеральных реформ в России // Коммерсантъ. 1999. <https://www.kommersant.ru/doc/211815>
6. Российский либерализм повторяет судьбу мамонтов // Взгляд. 2021. [https://vz.ru/opinions/2021/4/14/1093443.html?utm\\_source=chatgpt.com](https://vz.ru/opinions/2021/4/14/1093443.html?utm_source=chatgpt.com)
7. RT обвинил «Медузу» в публикации фейковой новости об эпидемии COVID-19 в России... // Meduza\*. 2020. <https://meduza.io/feature/2020/05/12/rt-obvinil-meduzu-v-publikatsii-feykovoy-novosti-ob-epidemii-sovid-19-v-rossii-pri-etom-sam-rasprostranil-tochno-takuyu-zhe-novost>
8. Das Lobbyregister kommt! 2021. <https://www.lobbycontrol.de/lobbyregister/das-lobbyregister-kommt-86449/>
9. Es ist nicht links, "woke" zu sein – Ein Gastbeitrag von Susan Neiman // Der Spiegel. 2023. [https://www.spiegel.de/kultur/kulturkampf-es-ist-nicht-links-woke-zu-sein-essay-von-susan-neiman-a-78bc2fee-99b1-4fd9-803d-bd5a0d058c56?utm\\_source=chatgpt.com](https://www.spiegel.de/kultur/kulturkampf-es-ist-nicht-links-woke-zu-sein-essay-von-susan-neiman-a-78bc2fee-99b1-4fd9-803d-bd5a0d058c56?utm_source=chatgpt.com)
10. Fake News: "Alles hinterfragen!" // Deutsche Welle. 2017. <https://www.dw.com/de/fake-news-alles-hinterfragen/a-36840550>
11. Handbuch zum Lobbyregistergesetz // Deutscher Bundestag. 2022. <https://www.bundestag.de/resource/blob/871508/Handbuch.pdf>
12. How Trump's 'fake news' gave authoritarian leaders a new weapon // The Guardian. 2018. <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jan/25/how-trumps-fake-news-gave-authoritarian-leaders-a-new-weapon>
13. Lobbyismus ist ein unverzichtbarer Teil des Parlamentarismus // ZEIT ONLINE. <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2021-06/lobbyismus-bundestag-interessenvertretung-transparenzgesetz> (Дата обращения: 02.06.2021)
14. Niedhart G. Ost-West-Entspannung aus amerikanischer, deutscher und französischer Sicht // Themenportal Europäische Geschichte. 2007. <https://www.europa.clio-online.de/essay/id/fdae-1391>
15. Oxford English Dictionary. <https://www.oed.com>
16. Siemens schafft mehr Transparenz durch erstmals veröffentlichten Nachhaltigkeitsbericht // Pressemitteilung, 2009. <https://press.siemens.com/global/de/pressemitteilung/siemens-schafft-mehr-transparenz-durch-erstmal-veroeffentlichten>
17. Wissenschaftsfreiheit versus "Cancel Culture": Gibt es legitime Grenzen für wissenschaftliche Diskurse? // Deutschlandfunk. 2022. [https://www.deutschlandfunk.de/wissenschaftsfreiheit-versus-cancel-culture-gibt-es-legitime-grenzen-dlf-d0b60b80-100.html?utm\\_source=chatgpt.com](https://www.deutschlandfunk.de/wissenschaftsfreiheit-versus-cancel-culture-gibt-es-legitime-grenzen-dlf-d0b60b80-100.html?utm_source=chatgpt.com)

### Источники | References

1. Каменева В. А., Рабкина Н. В. Англоязычная лексика в политическом дискурсе (лингвоперсонологический подход) // Политическая лингвистика. 2021. № 1. [https://doi.org/10.26170/1999-2629\\_2021\\_01\\_03](https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_03)
2. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
3. Крысин Л. П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики // Диахроническая социолингвистика. М., 1993.
4. Ручкина Е. М., Белова Е. Е., Карпенко А. А. Динамика изменения функции англоязычной лексики в отечественном политическом дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2024. № 1.
5. Busse U. Anglizismen im Duden. Eine Untersuchung zur Darstellung englischen Wortguts in den Ausgaben des Rechtschreibdudens von 1880-1986. Tübingen: Niemeyer, 1993.
6. Dodu-Gugea L., Roşcovan N., Staver L. Linguistic globalization in the 21st century: anglicisation from idiolect to higher education. 2023. [https://www.researchgate.net/publication/371282217\\_Linguistic\\_globalization\\_in\\_the\\_21st\\_century\\_anglicisation\\_from\\_idiolect\\_to\\_higher\\_education](https://www.researchgate.net/publication/371282217_Linguistic_globalization_in_the_21st_century_anglicisation_from_idiolect_to_higher_education)
7. Meinke M. Eiserner Vorhang // Historisches Lexikon Bayerns. 2025. [https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Eiserner\\_Vorhang](https://www.historisches-lexikon-bayerns.de/Lexikon/Eiserner_Vorhang)
8. Neshkovska S. Anglicisms in the Macedonian political discourse: a serious threat or a welcome addition // Studies in Linguistics, Culture, and FLT. 2024. № 12 (1). <https://doi.org/10.46687/ECMV6463>
9. Onysko A. Anglicisms in German: Borrowing, Lexical Productivity, and Written Codeswitching. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 2007.
10. Truan N. Beyond Monolingual Views: The Language Ideologies of Multilingual son Anglicisms in French and German // Critical Multilingualism Studies. 2025. Vol. 12. № 1.

### Информация об авторах | Author information

RU

**Винник Роман Александрович<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> Военный университет имени князя Александра Невского  
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

EN

**Roman Aleksandrovich Vinnik<sup>1</sup>**

<sup>1</sup> Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation  
named after Prince Alexander Nevsky, Moscow

---

<sup>1</sup> *vinnik\_roman@mail.com*

### Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.08.2025; опубликовано online (published online): 15.09.2025.

**Ключевые слова (keywords):** англоязычные термины; политический дискурс; идеологическая лексика; прагматические стратегии заимствования лексики; культурная адаптация; English-language terms; political discourse; ideological vocabulary; pragmatic strategies of lexical borrowing; cultural adaptation.